

UDC 271.2

Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity

Elena E. Dutchak

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin avenue, 36
Doctor (History), Professor
E-mail: dee010@mail.ru

Abstract. The article suggests considering the alternative temple culture as a source of reproduction of Orthodoxy tradition in the Soviet time. The research is conducted with the primary aim to restore the impact on these processes in the Soviet religious policy and public beliefs in regard to a place for ceremony and people engaged. These aspects in the history of Orthodoxy in the XX century are revealed in materials of Soviet clerical correspondence and field archeographica studies.

Keywords: Orthodoxy; temple culture; Soviet religious policy; religious practices and nets.

Введение. Расширение в последние десятилетия проблемного поля исследований по истории православия XX века позволяет увидеть своеобразный информационный парадокс: открытие прежде неизвестных сторон жизни советского и постсоветского общества сопровождается возрастанием степени несогласованности введенных в научный оборот данных. Так, церковное делопроизводство накануне 1917 г. показывает обеспокоенность епархиального духовенства нерадивостью прихожан [1], статистика говорит об активном храмовом строительстве на окраинах империи за счет или по просьбе сельских общин [2. С. 98]. В 1920–1930-е гг. отчеты местных властей убеждают в отсутствии массового протеста антирелигиозным кампаниям [3], и одновременно религиоведы фиксируют интерес к местным святыням и чудотворцам [4]. На рубеже XIX–XXI вв. социологические опросы выявят не только массовое возвращение «к вере предков» [5], но и попытки уйти из-под контроля со стороны церковных институтов [6].

Чем вызвана внутренняя противоречивость православного комплекса? В научной литературе она связывается с присутствием в его составе, так называемой, «народной компоненты» («бытовой религиозности», «двоеверия», «архаики» и т.д.). Однако феномен скорее описывает религиозную повседневность, нежели объясняет причины сохранения конфессиональной традиции в условиях агрессивной светской культуры.

Определить направление поиска помогли полевые исследования автора статьи в томских селах, в окрестностях которых находились или находятся старообрядческие таежные монастыри. Если в конце 1980-х гг. вызвал удивление, то теперь уже воспринимается как норма способ позиционирования их жителями себя в качестве православных – это происходит с заметным нежеланием видеть догматические и обрядовые различия «официальной церкви» и староверия, и обращение к «городскому» священнику не отменяет обычая ежегодной милостыни «своим» скитникам.

Равная авторитетность для советского по воспитанию неопита конфессий-оппонентов дает основание предположить, что ресурсы воспроизводства русской православной традиции нового и новейшего времени следует искать в области альтернативной храмовой культуры – представлений и практик, кодифицирующих право совершения христианского ритуала без рукоположенного священства. Реконструкции возможных факторов ее актуализации в советский период посвящена настоящая статья.

Материалы и методы. Понимание альтернативной храмовой культуры в логике ее способностей обеспечивать преемственность традиции означает, что компенсация привычных форм религиозной жизни должна идти в двух направлениях – в создании «места», сопоставимого по сакральности с храмом, и определении носителей «знания о спасении». Соответственно, следует установить степень влияния на эти процессы мероприятий власти по организации *общегосударственной легальной* структуры, призванной обслуживать религиозные запросы советских граждан, и безличной христианской традиции, действие которой проявлялось в формировании *локальных и скрытых* коммуникативных сетей, транслирующих информацию о «правильном» и «не вполне правильном, но допустимом».

Поэтому сопоставимой информационной ценностью обладают: а) делопроизводственные материалы (1918–1985 гг.), показывающие – возникала ли объективная необходимость и реальная возможность обхода антирелигиозных директив на местах; б) принятые в обществе критерии, которым должны отвечать христианский обряд и его совершающий. Первая группа источников представлена архивными фондами ликвидационного отдела Наркомата юстиции РСФСР, Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ЦИК СССР и Совета по делам религий при Совете

министров СССР (ГА РФ); вторая – наблюдениями археографов Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска и Томска, сделанными в ходе комплексных экспедиций 1960–2010-х гг. [7; 8]

Обсуждение. *«Право на обряд» и сакрализация места.* Правительство большевиков осознавало, что политический успех им может гарантировать только разрушение традиционных форм консолидации населения, в том числе – в приходские общины. Включение в одну из них создавало чувство принадлежности к целому (православному государству и церкви) и гарантировало жизненно важные социальные связи – управленческие, хозяйственные, брачные. И советское руководство в ликвидации храмов как связующего звена монархии, клира и мирян действовало достаточно последовательно.

Наряду с декретом СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23.01.1918 г.) и Конституцией РСФСР (10.05.1918 г.), разрывавшими связи между священником и паствой, объемные архивные дела с однотипными названиями «Сведения о религиозных объединениях» и «Переписка о закрытии храмов» открывают «бархатные» формы ликвидации приходской общины в 1920–1930-е гг. – ее руководства, имущества и коммуникативных практик. Например, установление высокого подоходного налога со священников заставило многодетных отцов семейств отказываться от сана и лишало их права на совершение литургии, таинств и ведение метрических книг. Одновременно с составлением подробных описей культовых строений под предлогом их ветхости или общей эпидемиологической обстановки (летом аргументом становилась опасность дизентерии, зимой – гриппа) отменялись ежедневные церковные службы и праздничные крестные ходы [9].

При общем спокойном отношении населения к этим мерам обращает на себя внимание тематическая и пространственная локализация петиций, составленных верующими: как правило, горожане и жители крупных сел, расположенных на торгово-транспортных магистралях, жалуются на отсутствие священника, «глубинка» – пытается вернуть колокола, кресты и иконы [10].

Вряд ли единственной причиной того, что удаленная деревенская община реже защищала приходской клир [11. С. 214–215], являлся низкий культурный статус сельского духовенства – социальной группы, ответственной за церковно-общественное воспитание паствы, но материально нуждающейся и не имеющей стимула к пастырскому служению [12]. Объяснения, на наш взгляд, кроются в обстоятельствах, которыми на протяжении XVIII–XIX столетий были сформированы условия для регионализации жизни православной России.

В их числе, во-первых, практика преодоления дефицита стационарных храмов на окраинах страны путем активного строительства часовен – культовых сооружений, где возможна молитва без священника [2. С. 168–211]. Во-вторых, народные представления о том, что некоторые ландшафтные объекты непосредственно созданы или подчинены трансцендентным силам, поэтому через них возможен прямой, упорядоченный и систематический контакт с сакральным миром [13]. В-третьих, присутствие мощной оппозиции «государственному православию» в лице староверия – второй по численности христианской конфессии в стране, консолидированной в легальные или нелегальные (например, скитские) общины, имеющие специальные, освященные древними книгами и иконами, помещения для совершения богослужения и христианских таинств [8. С. 131–139, 203].

В результате, жители небольших периферийных деревень, чаще имевшие дело не с регулярной церковной структурой, а с аналогами храмового пространства, оказывались в более выигрышном положении. Поэтому не удивительно, что после массового закрытия культовых зданий, бывших «на виду», значительная часть сельского населения, даже те, кто ранее считал себя принадлежащими официально православию, начинала тяготеть к альтернативным формам храмовой культуры.

Насколько значительным был процесс? Ответ на него предполагает специальное исследование, которое при отсутствии какой-либо статистики должно начаться с определения источниковой базы. Наряду с документами силовых ведомств РСФСР/СССР одним из валидных источников информации являются каталоги крестьянских родовых и общинных библиотек, составленные по результатам археографических экспедиций. Вкупе с полевыми наблюдениями исследователей за жизнью советской деревни они дают примерный перечень территорий, где подобные явления могли иметь место в силу исторической традиции, большого числа лесных массивов и плохо развитой промышленно-транспортной сети. С разной степенью уверенности к ним следует отнести отдельные районы Русского Севера, Пермского края, Поволжья (территории современных Ярославской, Самарской, Нижегородской областей), Урала и северной части Сибири.

Формирующиеся коммуникативные сети действовали в скрытом режиме. Косвенным аргументом, в частности, служит несовпадение информации, которой располагали власти и установленной учеными. Так, в «Справке по сектантским незарегистрированным группам Пермской области» 1973 г., фигурируют всего три общины староверов, причем, отмечается их малочисленность и низкая активность [14. Л. 109–112]. В то же время в анналы отечественной науки вошли исследования археографов МГУ, работавших в этот период в регионе. Они говорят об обратном – здесь вплоть до конца 1980-х гг. была сильна и широко представлена в бытовом укладе и мировоззрении жителей крестьянская православная традиция в ее старообрядческом варианте [15; 16]. Еще пример. В просмотренной группе дел с материалами по Русскому Северу [17] – территории, хорошо известной не только развитой сетью старообрядческих скитов, но и многочисленными

крестьянскими изолированными поселениями, жители которых не называли себя староверами, но хранили в домах христианскую кириллическую книгу [18], – о подобных явлениях речи также не идет. Скудость данных подобного рода в фондах Государственного архива Томской области (ф. Р-1786 – Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Томской области) оказывается при сопоставлении с другими регионами скорее правилом, чем исключением.

Это свидетельствует о явном разрыве между властью и крестьянским населением страны в советский период: они живут как бы в параллельных «культурных пространствах». Первым важно было уничтожить конфессиональную основу социальных отношений. Вторые же, поскольку вопрос стоял о сохранении привычного жизненного уклада, были поставлены перед выбором – подчиниться, «поменять» идентичность и вместе с ней правила ее моделирования или найти способы, которые позволяли бы действовать в русле христианской традиции, не вызывая обвинений в оппозиционности, невежестве или отсталости.

Результатом стало появление параллельно с зарегистрированными религиозными общинами, чья лояльность обеспечивалась договором на использование «молитвенных зданий и помещений» и включением в систему государственного распределения предметов, необходимых при богослужениях [19] – христианских по характеру сообществ с разной степенью структурированности, информация о которых была доступна властям лишь частично.

«Право на обряд» и его совершающий. В исследовательской литературе справедливо отмечается, что нехватка рукоположенного духовенства как проблема обозначилась довольно быстро. Для заинтересованных в легализации приходских общин физическое или административное уничтожение клира, действительно, означало системное разрушение привычного порядка вещей. Так, в июне 1919 г. председатель церковного совета г. Пушкина телеграфировал во ВЦИК с просьбой прислать им священника – в городе тиф, и «в случае смерти придется погребать умерших не по христианскому обряду, что крайне тяжело отзовется на чувстве православия» [20. Л. 162].

Вместе с тем нельзя забывать, что предреволюционная Россия представляла собой конгломерат территорий, различающихся по этническому составу и интенсивности межгрупповых взаимодействий, поэтому многочисленные региональные различия – в том числе в сфере народной религиозности – делают этот вывод неприменимым ко всем без исключения. Например, в таежных районах Сибири, где «число церквей по народонаселению достаточное, но по пространству и удобству сообщения весьма недостаточное» [21. Л. 42 об.], необходимые конфессиональные связи часто «обслуживали» и поддерживали живущие рядом староверы-скитники – они совершали для крестьян требы, объясняли смысл религиозных праздников и постов, выступали арбитрами при разборе конфликтов, помогали в соответствии с церковным канонам решать семейно-брачные вопросы и противостоять девиациям [22]. В центральных губерниях оценка староверия как «благочестивой» религии, в отличие от официальной – «мирской», определялась хозяйственной и социальной устойчивостью конфессии, отсутствием в ее среде массового пьянства и преступности [23].

Соответственно, встает задача установления причин, которые в условиях сокращения белого и черного духовенства объективно усиливали влияние старообрядческих наставников, формировали отношение к ним как хранителям «знания о спасении».

В этом процессе, видимо, сыграли роль слухи о том, новая власть относится к староверам более лояльно. Об этом говорят документы созданной в 1921 г. Комиссии по заселению свободных земель совхозов и бывших имений сектантами и старообрядцами – «Воззвание к сектантам и старообрядцам, живущим в России и за рубежом» и статья И. Трегубова «Социально-революционное значение сектантства». (Правда, последняя с резолюцией М.И. Калинина «Отклонить»). Их пафос таков – в стране много пустующих земель и «одновременно много сект, приверженцы которых трудолюбивы и согласно их учения издавна стремятся к коммунистической жизни». При царском режиме их идеалы были не осуществимы, но теперь им следует лишь уведомить комиссию о том, «к какой секте или согласию они принадлежат, сколько душ желают сесть на землю и соединиться вместе», чем занимались раньше и планируют заняться теперь, и заключить договор с Наркомземом [24. Л. 94–96, 111–120]. Однако вряд ли поддержка прежде дискриминируемых религиозных деноминаций мыслилась как долгосрочная политика, о чем свидетельствует распоряжение НКЮ о национализации имущества монастырей, специально изданное в июле 1918 г. в ответ на запрос братии старообрядческого Николо-Бабаевского монастыря в Костромской губернии: «Ссылка Ваша на то, что старообрядческие монастыри будто бы исключены из сферы действия декрета, ни на чем не основана и имущество старообрядческих монастырей также является народным достоянием и подлежит согласно декрету отобранию» [25. Л. 8].

Все же главным, на наш взгляд, было другое – сохранение в руках староверия рукописной и старопечатной кириллической книги (литургической, уставной, веро- и нравоучительной) и целенаправленная подготовка «книжных людей», знающих правила совершения богослужений и таинств, способных рассуждать о современности в русле христианской традиции.

Если принять во внимание, что в официальном православии не сложилось практики использования кириллических книг не-священниками и более важным оказывалось наличие человека с правом совершения ритуала, то понятно, во-первых, почему легальная храмовая культура

в ходе антирелигиозных кампаний оказалась «бесписьменной» и ориентированной на бытовое православие. В противовес этому – староверие к XX веку создало все условия для развития именно конфессионального творчества: умения интерпретировать и применять в целях упорядочивания повседневности текст, написанный или напечатанный кириллицей.

Возможность дополнить официальную «бесписьменную» храмовую культуру «письменной» альтернативной, на наш взгляд, можно назвать ключевым фактором, предотвратившим исчезновение православной традиции в советский период. Видимо, социальным каналом, обеспечившим ее преемственность, следует считать образование в результате такого синтеза «текстуального сообщества» (термин Б. Стока) – особого типа социальной общности, отличительной чертой которого является объединение неграмотных или малограмотных верующих вокруг образованного, «книжного» человека – толкователя священного текста [26].

Как ни парадоксально, но эти процессы не прошли бесследно для староверия («Этот XX век ломал нас через колено» [27]), религиозная сфера которого существенно изменилась. Уход из жизни авторитетных наставников оказывается невозможным, и согласимся с Е.Б. Смилянкой, конфессия сегодня сама необратимо трансформируется из «сообщества идеологического» – в «текстуальное» [28].

Заключение. Включение в исследовательскую проблематику «храмового сознания» [29] неканонических практик показывает, что воспроизводство конфессиональной традиции обеспечивается как сохранением в действующем виде культовой архитектуры, так и возможностью конструировать ее символические аналоги. Лишь в этом случае разрушение видимых форм религиозной жизни не уничтожает принципы ее структурирования и регулирования.

Эвристический потенциал термина «альтернативная храмовая культура» не исчерпывается установлением факторов преемственности религиозной традиции. Он вполне способен приблизить к пониманию механизмов, действием которых конфессиональная система получает прочность, устойчивость и гибкость или, напротив, лишается перечисленных качеств.

Одним из вариантов их реконструкции, видимо, может стать изучение религиозной интеграции. Применительно к православному социуму XX века есть смысл говорить, как минимум, об ее «аксиологической» модели, посредством апелляции к национальным символам и идеалам формирующей чувство причастности к христианскому миру в целом, и «функциональной», организующей конфессиональную общность в процессе локальных взаимосвязей и взаимодействий. Исследование логики их соотношения в зависимости от региональных особенностей способно, на наш взгляд, создать условия для комплексного анализа «советского православия» как открытой системы, где разные варианты религиозного не противопоставлены, а сосуществуют в самых неожиданных комбинациях.

Благодарности. Статья выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета

Примечания:

1. Литягина А.В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 117–124.
2. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
3. Борисова Л.В. «Изъятие производится без осложнений»: отношение населения Москвы к кампаниям по изъятию церковных ценностей в 1922 г. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2011. № 2. С. 35–49.
4. Шахнович М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 1 (31). С. 202–219.
5. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 304 с.
6. Кормина Ж.В. Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 195–227.
7. Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 1–10. М.: Изд-е Музея истории и культуры старообрядчества, 1995–2011.
8. О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: «Индрик», 2012. 470 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 688, 701, 715; Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1490–1492.
10. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 689–694, 699, 707, 751; Оп. 4. Д. 383; Оп. 4. Д. 408; Оп. 8. Д. 128.
11. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2008. 526 с.
12. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
13. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: «Алетейя», 1998. 319 с.
14. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 547.

15. Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966–1980 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 318 с.
16. Материалы к истории старообрядчества Верхоямья: по итогам экспедиций исторического факультета МГУ имени Ломоносова: сб. документов. М.: МАКС Пресс, 2013. 276 с.
17. ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1487, 1488, 1490–1494; Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 9, 154, 221, 291, 370, 468, 547; Ф. 353. Оп. 2. Д. 692, 693, 699, Оп. 3. Д. 715, Оп. 4. Д. 408.
18. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX вв. Опыт исследования. Источники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1–2.
19. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 708. Л. 44; Оп. 6. Д. 9. Л. 92–92 об.
20. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 692. Л. 162.
21. Рапорт исправляющего должность благочинного о состоянии церквей Нарымского округа, 11.12.1984 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 1405.
22. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
23. Апанасенок А.В. «Нам бы у старообрядцев поучиться...»: духовный статус «ревнителей старины» в провинциальном социуме центральной России во второй половине XIX – начале XX века // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. М., 2011. С. 514–521.
24. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 8. Д. 8.
25. ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 690.
26. Stock V. History, Literature, and Medieval Textuality // Yale French Studies. 1986. Bd. 70. P. 7–17.
27. Красный Яр // Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Архив археографической экспедиции. Тетр. 10 (2012 г.).
28. Смилянская Е.Б. Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхоямья на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Сер. «История». 2013. № 1 (21). С. 36–43.
29. Шкуров Ш. Храм умер? Введение в проблемы храмового сознания // Храм земной и небесный. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 5–21.

References:

1. Litjagina A.V. Uroven' religioznosti naselenija Zapadnoj Sibiri (1861–1917 gg.) // Voprosy istorii. 2006. № 9. S. 117–124.
2. Shevcova V.F. Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2010. 488 s.
3. Borisova L.V. «Iz#jatie proizvoditsja bez oslozhnenij»: otnoshenie naselenija Moskvy k kampanii po iz#jatiju cerkovnyh cennostej v 1922 g. // Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii». 2011. № 2. S. 35–49.
4. Shahnovich M. Sekcija po izucheniju religij narodov SSSR pri Muzee istorii religii Akademii nauk SSSR (1934 g.) // Gosudarstvo. Religija. Cerkov'. 2013. № 1 (31). S. 202–219.
5. Kaz'mina O.E. Russkaja pravoslavnaja cerkov' i novaja religioznaja situacija v Rossii: jetnokonfessional'naja sostavljajushhaja problema. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 304 s.
6. Kormina Zh.V. Nomadicheskoe pravoslavie: o novyh formah religioznoj zhizni v sovremennoj Rossii // Ab Imperio. 2012. № 2. S. 195–227.
7. Staroobradchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. Vyp. 1–10. M.: Izd-e Muzeja istorii i kul'tury staroobradchestva, 1995–2011.
8. O svoej zemle, svoej vere, nastojashhem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniju biograficheskogo i religioznogo narrativa) / Pod red. E.B. Smiljanskoj. M.: «Indrik», 2012. 470 s.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 353. Op. 2. D. 688, 701, 715; F. R-5263. Op. 1. D. 1490–1492.
10. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 689–694, 699, 707, 751; Op. 4. D. 383; Op. 4. D. 408; Op. 8. D. 128.
11. Shheglova T.K. Derevnja i krest'janstvo Altajskogo kraja v HH veke. Ustnaja istorija. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, 2008. 526 s.
12. Leont'eva T.G. Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. M.: Novyj hronograf, 2002. 272 s.
13. Panchenko A.A. Issledovanija v oblasti narodnogo pravoslavija. Derevenskie svjatyni Severo-Zapada Rossii. SPb.: «Aletejja», 1998. 319 s.
14. GA RF. F. R-6991. Op. 6. D. 547.
15. Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duhovnaja kul'tura (po materialam arheograficheskikh jekspedicii 1966–1980 gg.). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 318 s.
16. Materialy k istorii staroobradchestva Verhokam'ja: po itogam jekspedicii istoricheskogo fakul'teta MGU imeni Lomonosova: sb. dokumentov. M.: MAKS Press, 2013. 276 s.
17. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 1487, 1488, 1490–1494; F. R-6991. Op. 6. D. 9, 154, 221, 291, 370, 468, 547; F. 353. Op. 2. Д. 692, 693, 699, Оп. 3. Д. 715, Оп. 4. Д. 408.
18. Pinezhszkaja knizhno-rukopisnaja tradicija XVI – nachala HH vv. Opyt issledovanija. Istochniki. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. Т. 1–2.
19. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 708. L. 44; Op. 6. D. 9. L. 92–92 об.

20. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 692. L. 162.
21. Raport ispravljajushhego dolzhnost' blagochinnogo o sostojanii cerkvej Narymskogo okruga, 11.12.1984 g. // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 170. Op. 1. D. 1405.
22. Dutchak E.E., Vasil'ev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Pravoslavnyj landshaft taezhnoj Sibiri: koncepcija issledovanija // Sibirskie istoricheskie issledovanija. 2013. № 1. S. 79–90.
23. Apanasenok A.V. «Nam by u staroobrjadcev pouchit'sja...»: duhovnyj status «revnitelej stariny» v provincial'nom sociume central'noj Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH veka // Jazyk, kniga i tradicionnaja kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ja v zhizni svoego vremeni, v nauke, muzejnoj i bibliotečnoj rabote XXI v. M., 2011. S. 514–521.
24. GA RF. F. 353. Op. 8. D. 8.
25. GA RF. F. 353. Op. 2. D. 690.
26. Stock B. History, Literature, and Medieval Textuality // Yale French Studies. 1986. Bd. 70. P. 7–17.
27. Krasnyj Jar // Nauchnaja biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel rukopisej i knizhnyh pamjatnikov. Arhiv arheograficheskoj jekspedicii. Tetr. 10 (2012 g.).
28. Smiljanskaja E.B. Knizhnaja premudrost' i izbranie puti spasenija staroobrjadcami Verhokam'ja na rubezhe XX–XXI vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istorija». 2013. № 1 (21). S. 36–43.
29. Shkurov Sh. Hram umer? Vvedenie v problemy hramovogo soznanija // Hram zemnoj i nebesnyj. M.: Progress-Tradicija, 2004. S. 5–21.

УДК 271.22-9

Православная традиция в советский период: факторы преемственности

Елена Ерофеевна Дутчак

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dee010@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается рассматривать альтернативные формы храмовой культуры в качестве источника воспроизводства православной традиции в советский период. Исследование призвано реконструировать влияние на эти процессы государственной религиозной политики и народных представлений о месте ритуала и человеке его совершающем. Эти аспекты истории православия XX века раскрываются на материалах советского делопроизводства и полевых археографических исследований.

Ключевые слова: православие; храмовая культура; советская религиозная политика; религиозные практики и сети.